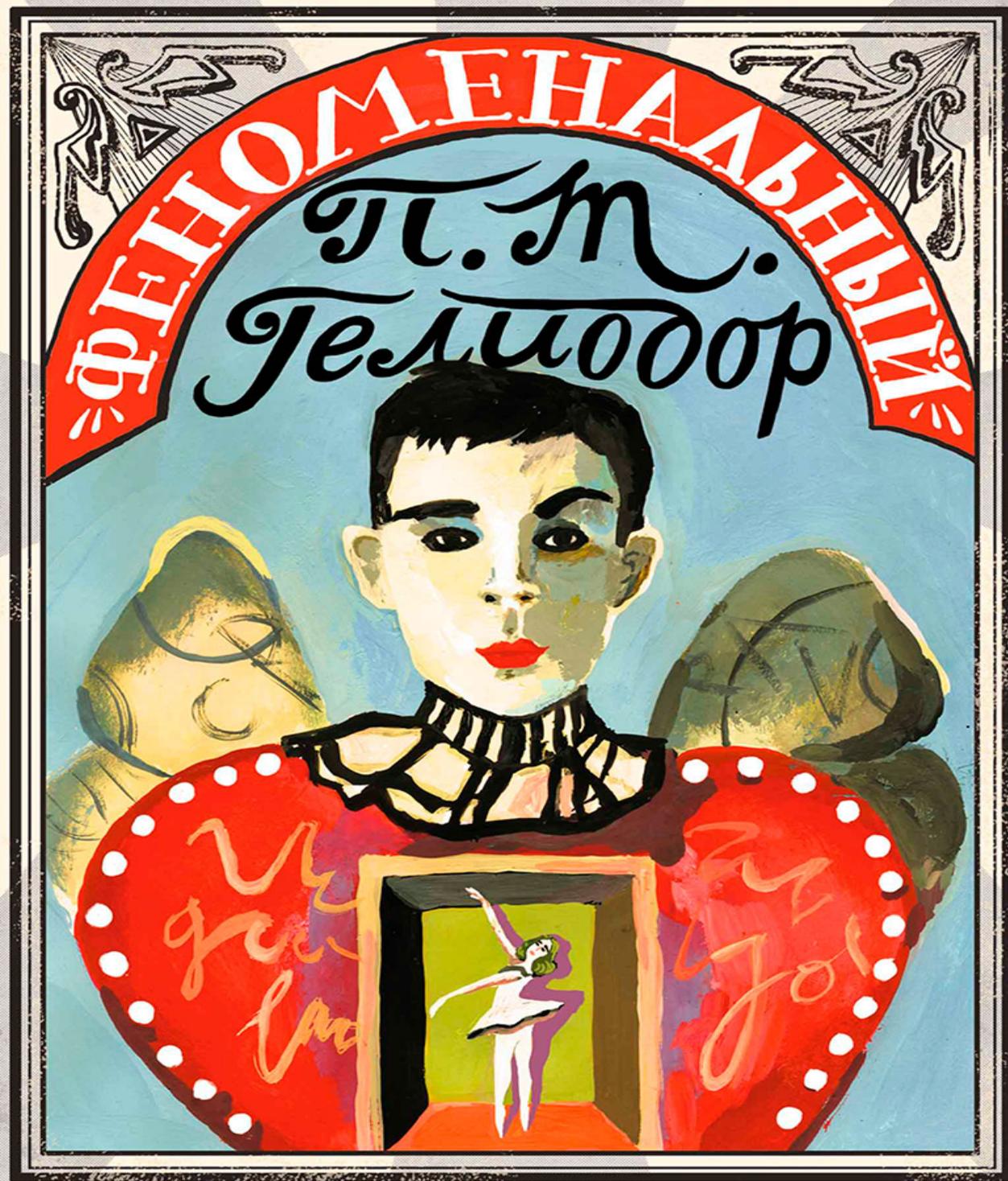

Твидо Зрангом

Guido Sgardoli

Il fenomenale P. T. Heliodore

IL BATTELO A VAPORE

PIEMME

Вуго Згардом

ФЕНОМЕНАЛЬНЫМ
П.М.
Теллюдор

Москва
Самокат

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Художественное оформление

Влады Мяконькиной

Для среднего и старшего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года маркируется
знаком 12+*

Коннектикут, 1830-е. Тринадцатилетний П. Т. Гелиодор, сын конюха, мечтатель и фантазёр, получает в наследство от отца Никель-Айленд — землю, которую Гелиодор-старший всегда называл королевством, а себя королём. С детства П. Т. грезил о своих будущих владениях и громком титуле — представлял, как благодаря им он вытянет всю семью из нищеты и горя знать не будет. Но наследника ждёт разочарование: на самом деле Никель-Айленд вовсе не королевство, а клочок земли на болотах, где нашли пристанище все гонимые и отверженные. Чуткий, сердобольный и в то же время предприимчивый П. Т. Гелиодор решает позаботиться о своих подданных и с их помощью

осуществить заветную мечту — открыть театр чудес с феерическими иллюзиями.

Гвидо Згардоли — один из самых известных итальянских авторов детских книг. Книги Згардоли для детей и подростков публиковались в крупнейших итальянских издательствах и становились лауреатами престижных литературных премий, в том числе национальной премии журнала «Андерсен» в 2009, 2015 и 2018 годах.

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия
издательства.*

Written by Guido Sgardoli

Copyright © 2018 Book on a Tree Limited A story by Book on a Tree

www.bookonatree.com

© Светлана Малинина, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом “Самокат”», 2021

**ISBN 978-5-
00167-251-7**

Впервые П. Т. Гелиодор увидел говорящее животное, когда ему было десять лет. Случилось это ветреным днём в конце октября 1834 года в конюшне мистера Петтигуфера.

— Чего стоишь такой угрюмый? Лучше бы грязь вычистил, — сказал конь.

П. Т. Гелиодор не нашёлся что ответить.

На самом деле он был вовсе не угрюмый. Просто у него лицо было такой формы — немного вытянутое, как у матери, и сужающееся книзу.

П. Т. не был ни конюхом, ни помощником конюха, а всего лишь сыном конюха, но он послушно схватил лопату и принялся сгребать навоз. И работал не поднимая головы, пока солнце не село, а конюшня не засверкала, как кухня в доме Петтигуферов.

Прежде чем уйти, он вопросительно глянул на говорившего с ним коня по кличке Гидеон.

— Парень, может, хватит уже пялиться? — спросил Гидеон.

П. Т. в ответ залился смехом.

Позже ему доводилось слышать, как говорили совы, уж, синяя корова, которую он перегонял в Нью-Йорк, жук и пёс

по кличке Мизинец.

Воображение у П. Т. Гелиодора было богатое и обширное — как штат Коннектикут.

Он не только разговаривал с животными, но и к тому же воображал, что его отец, Майлус Гелиодор, — король. А Никель-Айленд — королевство.

И что у Алисы Петтигуфер зелёные волосы. И не просто зелёные, а зелёные, как свежераспустившиеся весенние почки. И что она умеет летать. Да-да, именно летать — Алиса Петтигуфер!

Потому что она Пушинка.

Там, где располагался городок Согатак в округе Аспинок, жили когда-то индейцы племени мохеган. В лесах ещё сохранилось их кладбище. Индейцы считали это место священным, а белые бежали от него как от чумы, опасаясь всевозможных несчастий, потому что мохеганы, которых вынудили покинуть родные края, прокляли захватчиков. В Согатаке проживало около тысячи человек, почти все они были фермерами. Земля там была каменистая, а скалы такой крутизны, что у заезжих людей начисто отпадало желание переселяться в Согатак, да и сами жители городка не отказались бы убраться оттуда подальше.

Городок пересекала большая Коннектикутская дорога. Пользовались ею редко, но когда переправляться по реке Коннектикут становилось невозможно, путешественникам и торговцам ничего иного не оставалось, и они, бранясь, сворачивали в объезд. По такому случаю сонный городок оживал, его наводняли телеги, лошади, слышались разговоры, а иногда и выстрелы: отличное развлечение для мальчишек вроде П. Т. Гелиодора.

Когда начинались сильные дожди, улицы развозило, и чтобы

элегантные дамы, такие как миссис Генриетта Петтигуфер, могли пройти, не испачкав туфель и подолов, соорудились деревянные настилы.

Дома в Согатаке строили в основном из дерева: из-за щелей между досками летом в них было жарко, а зимой холодно. Иногда они загорались от упавшей свечки или от непрочищенного дымохода. Самый красивый дом принадлежал, конечно же, Уолдо Петтигуферу, богатейшему человеку в округе Аспинок. Кроме дома, Уолдо владел сотней акров земли, рекой, двумя прудами и лесом, в котором росли клёны и берёзы.

Дом Гелиодоров выглядел самым скромным и простым среди множества других таких же скромных и простых домов; однако П. Т. повезло: он часто навещался в усадьбу Петтигуферов, в доме у которых было двадцать семь спален, девять уборных и большие гостиные. Отец П. Т., Майлус Гелиодор, работал у Петтигуферов конюхом. Это была очень ответственная работа. Он ухаживал за всеми лошадьми, в том числе за тремя чистокровными конями кентуккийской породы, которых мистер Петтигуфер тренировал для скачек (одним из кентуккийцев был говорящий конь Гидеон). Своему конюху мистер Петтигуфер платил восемь долларов в неделю, сущие гроши. Шахтёр зарабатывал двадцать долларов в неделю, а рабочий — двадцать пять. Но Майлусу нравились лошади, и он считал работу конюхом временной, потому что лелеял мечту: открыть лавку, где бы продавались уздечки, сёдла, щётки и прочие подобные предметы для ухода за лошадьми.

Мать П. Т., миссис Оливия Фридберг (немка по происхождению), тоже работала у Петтигуферов: она была горничной миссис Генриетты и получала ещё меньше мужа, четыре с половиной доллара в неделю.

Всем, конечно, хотелось работать в таком красивом и роскошном месте, как усадьба Петтигуферов. Но всем были знакомы и крутой нрав мистера Петтигуфера, и его скупость, и вечное недовольство его супруги, и заскоки их полоумных сыновей, Сэмюэля и Калеба Петтигуферов. Так что если

половина жителей Согатака и завидовала Гелиодорам, которым удалось так удачно устроиться, то вторая половина сочувствовала им по той же причине.

* * *

П. Т. Гелиодор был обычным мальчишкой тринадцати лет от роду, каких и тогда было множество в тех краях.

Как и другие мальчишки, он ходил в школу только в плохую погоду и обходился одной парой поношенных ботинок. Как и другие, хорошо ловил щук и сомов и таскал карамельки из лавки старого Диббла, слепого на правый глаз. У мистера Диббла однажды случился удар, и у него перекосило лицо. Одна половина его лица выглядела на сорок лет, а вторая на восемьдесят. Мальчишки в Согатаке называли его Двумицый Диббл.

П. Т. был вторым по старшинству из пятерых детей в семье, притом единственным мальчиком, остальные были сёстры: Эрма, Сельма, Вельма и Тельма (последние две — близняшки) — четырнадцати, одиннадцати и семи лет. Жить среди девочек было непросто, но П. Т. привык, как привыкал ко всему: к мозолям на ногах, к болям в животе, если переест карамелек, к пиявкам, если долго купаться в пруду Квинебааг. (Как-то раз пиявка присосалась к самому сокровенному месту П. Т., и ему стало совсем худо; мать полила пиявку желудочным соком коровы и сняла её. П. Т. тогда было ужасно стыдно.)

Женщины в его семье отличались говорливостью — все, кроме матери, миссис Оливии Фридберг. Она редко открывала рот, иногда даже реже дяди Сайруса, хоть в это и трудно поверить.

Миссис Оливия Фридберг была женщиной миниатюрной, подвижной и живой — казалось, будто она вечно куда-то спешит. Всё у неё выходило бойко и споро, и когда доходило до наказания детей за какой-нибудь проступок, она тоже не мешкала. Оливия вышла замуж за единственного парня, с которым встречалась, Майлуса Гелиодора, тем более что

других женихов не нашлось. Майлус, может, и не был человеком большого ума, но зато у него было доброе сердце, он вовремя мылся и выпивал всего пару раз в месяц. Оливии Фридберг этого хватило, чтобы выйти за него замуж и родить пятерых детей. Вряд ли он стал великой любовью её жизни, но она не считала себя несчастной, а в те времена даже такое встречалось нечасто.

Сто лет назад, в колониальные времена, Гелиодоры были землевладельцами и мало чем отличались от Петтигуферов. Но двоюродный дед Майлуса Эдмунд Т. Гелиодор обожал играть в карты, причём ему ужасно не везло. Он умудрился промотать всё состояние и чуть ли не пустить наследников по миру. Единственная оставшаяся у Гелиодоров земля лежала по ту сторону болота и называлась Никель-Айленд — Никелевый Остров.

П. Т. никогда там не бывал, потому что те места считались опасными. Можно было заблудиться, или встретить нехороших людей, или нарваться на диких зверей. Чтобы дойти до Никель-Айленда без риска, нужны были проводник и оружие. Говорили, там живут странные люди, которые без колебаний перережут горло за пару монет.

— Когда ты повзрослеешь, — часто говорил ему отец, сидя на крыльце с кукурузной трубкой в зубах и в соломенной шляпе набекрень, — когда вырастешь, Никель-Айленд станет твоим, поскольку ты мой единственный сын. Ты станешь королём этой земли.

Обычно под конец таких разговоров Майлус Гелиодор улыбался, улыбался и его брат Сайрус, который так и не женился и потому жил с ними. Братья даже не переглядывались, словно в этом не было нужды — словно они хранили тайну, которую младшему Гелиодору знать пока что не следовало.

Но от таких слов П. Т. вдруг сразу становился будто бы выше, расправлял плечи, щёлкал подтяжками на груди и забавно ходил взад-вперёд, точно павлин перед самкой.

«Что я буду делать с такими деньжищами? — часто думал он. — Я стану богаче мистера Петтигуфера? И буду жить в таком

доме, где окон больше, чем уборных?»

Он решил, что перво-наперво освободит говорящего коня Гидеона и поселит его в одну из комнат. Ему казалось, конь этого заслуживает. А потом купит сёстрам сладостей у старого Диббла. Нет, лучше украдёт, как обычно. Зачем что-то покупать, если можно получить это бесплатно?

Так день за днём, месяц за месяцем П. Т. ждал, когда он станет королём Никель-Айленда, ловил щук и сомов, лениво выполнял поручения родителей, а когда кто-то называл его «голодранцем» или другими подобными словечками, гордо отвечал: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним». Эту поговорку он часто слышал от отца, который произносил её загадочно, словно ему одному в мире известна некая тайная истина. И было совершенно непонятно, почему люди, услышав название «Никель-Айленд», заливались смехом. Всегда.

Как-то раз один приятель из компании П. Т., Маллиган по прозвищу Дикарь-Одиночка, — грубиян, которого, кстати, многие побаивались, — заявил, что Никель-Айленд — просто-напросто никому не нужная богом забытая дыра. П. Т. набросился на него с кулаками. Они подрались у церкви преподобного Хайтауэра, и на этом их дружбе пришёл кровавый конец.

«Когда вырастешь, Никель-Айленд станет твоим».

Несколько лет П. Т. довольствовался этим обещанием, и этого ему было вполне достаточно.

А потом отец поранился ржавым гвоздём, и всё изменилось.

Это случилось в понедельник, когда отец приводил в порядок конюшню. Он напоролся тыльной стороной ладони на гвоздь, торчавший из старой доски.

В следующий понедельник, несмотря на ромашковые примочки, которые делала отцу старшая дочь Эрма (знавшая кое-что о лечебных свойствах растений), рана не зажила и выглядела скверно.

— Ерунда, — сказал Майлус Гелиодор, успокаивая Эрму.

Во вторник, однако, его сильно лихорадило.

В среду у него начались головные боли.

В четверг отец отказался от еды, объяснив: «Н-не-м-мо-гу-ес-с-ть!»

В пятницу он начал улыбаться. Никто не знал, чему он улыбается: ведь, судя по его серому измученному лицу, вряд ли ему было так уж весело.

В субботу он умер.

В воскресенье были похороны.

Мистер и миссис Петтигуфер не пришли — как они сказали, из-за сильной жары.

Все остальные присутствовали, в том числе управляющий мистера Петтигуфера Джим Класки, громадный человек с длинными усами, и старый Двулицый Диббл — который наблюдал за церемонией, отвернувшись на три четверти и обратив ко всему обществу свой здоровый глаз.

Эрма, Сельма, Вельма, Тельма и миссис Оливия были в чёрном. Оливия сшила себе и дочерям платья из суконных попон, которыми Уолдо Петтигуфер укрывал скаковых лошадей после забегов. Отдав Оливии чёрные попоны, Уолдо Петтигуфер тут же купил себе новые, синего цвета, с вышитыми золотом инициалами «У. П.». Чёрное сукно стало единственным возмещением, которое Уолдо Петтигуфер определил семье Гелиодор после смерти своего работника.

Кто-то говорил, что от миссис Оливии и её дочерей на похоронах слишком сильно пахло лошадьми и конюшней, но ведь речь шла о семье конюха, так что никто не придал этому особого значения.

П. Т., которому в то время было тринадцать лет три месяца и шестнадцать дней, безучастно наблюдал за похоронами, не уронив ни единой слёзы, повторяя про себя, что в этом убогом деревянном гробу не его отец. Его отец вернулся на Никель-Айленд, в своё королевство. И там однажды П. Т. с ним встретится. Хоронят же сейчас не отца, а мистера Свитчайлда, которому полтора года лет, а он всё никак не умирал, хотя вечно твердил, что страдает от множества тяжких недугов.

В тот скорбный майский день, под кроваво-красными облаками, рваными, точно кроны раскидистых дубов, П. Т.

пришла в голову мысль, которой он сначала застыдился, но позже она показалась ему хорошей — ведь хоронили не его отца, а старого Свитчайлда.

Мысль заключалась вот в чём: теперь он унаследует Никель-Айленд.

И он улыбнулся этой мысли.

Мать тут же дала ему затрещину.

Близняшки Вельма и Тельма хихикнули. И тоже получили по оплеухе.

— Прекратите бить детей! — вмешался раздражённый пастор, преподобный Бенджамин Хайтауэр из пресвитерианской церкви. Он не ладил с женой и потому страдал разлитием желчи и был вечно в дурном расположении духа. — У нас похороны!

Миссис Оливия, кивнув, сухо сказала:

— Знаю. В этом гробу лежит мой муж.

— Неправда! — возразил П. Т. — Мой отец на Никель-Айленде, охотится на оленей. А в гробу мистер Свитчайлд.

Именно после этих слов многие начали думать, что у П. Т. Гелиодора не всё в порядке с головой. И последовавшие события только укрепили их в этом мнении.

* * *

— Пойдём туда завтра, — сказал дядя Сайрус тем же вечером, прервав тишину, нарушаемую лишь стуком столовых приборов.

В доме было сыро и голо, на потолочных балках темнели пятна мха. Семья Гелиодор вместе с дядей Сайрусом ужинала за столом при слабом свете масляных ламп, вокруг которых звенели насекомые. Стул Майлуса пустовал, но стояла тарелка с приборами, словно он мог войти в дверь в любой момент.

— Куда? — спросил П. Т., не отрывая взгляда от супа.

— Куда? — спросили близняшки.

— Нет, только он, — ответил дядя Сайрус.

— Только я — что? — спросил П. Т. растерянно.

— А нам почему нельзя? — заныли близняшки.

— Потому что теперь он мужчина в доме, — терпеливо объяснил дядя Сайрус. — Он и пойдёт.

— Куда пойдёт? — спросила Сельма.

— На Никель-Айленд, — ответил дядя Сайрус.

П. Т. распахнул глаза и рот, капля супа потекла по губам и шлёпнулась в тарелку со звуком первой дождины перед грозой.

— Правда?

— Я не согласна, — сказала Эрма, которая никогда ни с чем не соглашалась.

— И мы не согласны, — сказали Вельма и Тельма. И рассмеялись. Близняшки не всегда понимали, о чём говорят взрослые, но такова уж была их натура — они часто смеялись и всегда одновременно.

— Он пойдёт один, — сказала миссис Оливия. Больше она ничего не добавила, но этого хватило, чтобы положить конец спору.

На следующее утро, на рассвете, дядя Сайрус без особых церемоний сдёрнул с П. Т. одеяло и спихнул племянника на пол. П. Т. только что заснул: всю ночь он мечтал, строил планы, составлял списки вещей, которые купит на вырученные от продажи владений деньги, — и вдруг очутился на полу.

— Ай!..

— Пора, — сказал дядя Сайрус, сплюнув рядом с П. Т. комок жевательного табака, свой первый завтрак.

Дядя Сайрус, в отличие от своего брата Майлуса, был высоким и тощим, как засохшее дерево, но силы в нём было как у двоих. Его руки, длиной по колено, походили на свисающие с ветвей верёвки, и, когда он шёл, они раскачивались. Он был грубоват и неразговорчив; иногда они с матерью П. Т. могли сидеть за одним столом больше часа, лущить фасоль или плести корзины из тростника, шить и резать по дереву — и не обменяться за всё время ни словечком, ни даже звуком. Молчали. Словно слова стоят денег и не следует растрачивать их попусту.

Дядя Сайрус говорил, что ему повезло, что он не женился,

но правда заключалась в том, что ни одна женщина во всём округе Аспинок (и, возможно, во всём штате Коннектикут) не пожелала выйти за него замуж. Он перепробовал тысячу занятий — был плотником, кузнецом, верёвочником, шахтёром, фонарщиком, бондарем, ледорезом, — но ни одному ремеслу не отдавался надолго. Поработав некоторое время, он начинал жаловаться на загадочные боли в спине, которые проявлялись именно тогда, когда находилась новая работа.

Майлус и Сайрус всегда были разными, как день и ночь. Отец П. Т. был человеком весёлым, любезным, приветливым, разговорчивым. И настоящим работягой. У него были обширные планы на будущее, и он охотно ими со всеми делился.

«Сделаю сперва то, потом это, — говорил он. — Я король Никель-Айленда или не король? А моя жена — королева. Мой сын — принц, а дочери — принцессы! Однажды я открою лавку, где будут продаваться сёдла, уздечки и разные разности для колясок, и тогда всё изменится. Заведём себе хороший дом, а не какой-нибудь замшелый, как этот... Заживём в нём — лучше не бывает! И тогда я уйду от старого брюзги Петтигuffers. П. Т. выберет себе дело по душе, а девочки — ну, девочки выйдут замуж, как положено, и я уж позабочусь о достойном приданом! А мы вдвоём, любимая жёнушка, будем стареть, присматривая за внуками, да наслаждаться закатами с крыльца нашего дома! Как настоящие король и королева!»

Но всё это осталось в мечтах, сам же Майлус Гелиодор лежал теперь под шестью футами земли, хотя дух его, вероятно, блуждал по Никель-Айленду. А королеве Никель-Айленда пришлось хорошенько засучить рукава, чтобы тянуть пятерых детей — и бездельника-деверя заодно.

П. Т. успел только сунуть в рот кусок солонины, когда его дядя встал из-за стола, вышел из дому и ступил на тропу; худая его спина уже удалялась. Мир в этот ранний час походил на незавершённую картину.

Миссис Оливия стояла на пороге, глядя им вслед со своим обычным выражением. Оно казалось угрюмым, но виной тому

была удлинённая форма её лица, которую унаследовал и сын. «Давно им надо было отвести его туда», — думала она.

П. Т. и дядя Сайрус прошли по тропе на восток несколько сотен шагов, затем свернули влево и пошли напрямик через поле; кукуруза стояла уже высокая, но початки ещё не налились. Когда поле кончилось, они углубились в лес, и стало темно. Они шли долго, за ними украдкой наблюдали лесные зверьки. П. Т. пытался задавать дяде вопросы: «Далеко ли ещё до Никель-Айленда?», «А он большой?», «А сколько за него могут дать денег?» — но Сайрус не обращал на него никакого внимания. Он шагал молча, глядя себе под ноги, лишь изредка посвистывая.

Туман стелился по земле, обнимая их лодыжки, — идущим казалось, будто они топчут туманных призраков; они обошли стороной индейское кладбище, которое сторожили филины и совы. («Ступайте прочь, — угрюмо сказал им один из филинов, — так оно будет лучше». П. Т. прекрасно его понял, но решил ничего не говорить дяде Сайрису.) Затем они вышли в долину, названную по имени мохеганина Пушматаха. Долину пересекала река Двадцать Одна Миля, которой дали такое название, потому что её длина от истока до устья составляла ровно двадцать одну милю. Река была чёрная, извилистая, окаймлённая тёмным ольховником. Держась северного берега, они шли вниз по течению около пяти миль, не глядя на фермы, разбросанные тут и там, как упавшие с дерева спелые плоды. Взрослый впереди, мальчик за ним. Молча.

Когда солнце поднялось высоко, стало жарко и усталость дала о себе знать, они достигли границы болота: здесь река впадала в океан, разливаясь тысячей заболоченных протоков.

П. Т. знал, что Никель-Айленд лежит за болотом. Но, оказавшись в тот день перед болотом, он увидел, что дальше — только океан. Если Никель-Айленд, как следовало из названия, — остров, то ему и дяде Сайрису придётся раздобывать какую-нибудь лодку. И дядя Сайрус должен же был об этом подумать. А ещё о тысяче опасностей: говорят, в этих местах водятся дикие звери и странные люди — может, воры-

разбойники, а может, и убийцы-головорезы. Но на истёртом дядином ремне не висело ни ножей, ни пистолетов, а на его костлявых плечах не было ни сумки, ни мешка.

— Дядя Сайрус, — начал П. Т. — А как ты будешь...

— Пошли, — оборвал его дядя и снова двинулся вперёд.

Вода пахла гнилью, что-то бесшумно скользило у поверхности и шуршало в зарослях тростника. Из тёмной, кофейного цвета жижи возникали причудливые деревья с длинными, широко раскинутыми перекрученными ветвями; далеко от ствола концы ветвей погружались в ту же кофейную жижу. Бесчисленные насекомые, назойливые, живучие, алчущие человеческой крови, впивались в кожу и даже не боялись, что их приشلёпнут. Вода заливала ботинки, штанины намокли и потяжелели, а дядя и племянник всё шли, шли.

Они направлялись не за болото. Они углублялись в него. Дядя Сайрус вёл племянника в сердце этого зловонного, гиблого места.

— Дядя Сайрус...

— М-м-м?

— А как же Никель-Айленд?

Что-то зашелестело над их головами в ивовых ветвях. Наверное, птица. Когда П. Т. снова опустил взгляд, то увидел перед собой человека — но очень-очень белого, цвета луны. Глаза человека, почему-то красноватые, смотрели прямо на них.

— Дядя Сайрус! — только и успел сказать П. Т., но человек уже исчез.

Потом до них долетел звук, напоминавший смех сумасшедшего. Дядя Сайрус огляделся, но, кажется, без особого удивления. Наконец он заговорил.

— П. Т., — произнёс он, — это и есть Никель-Айленд.

И вновь замолчал.

— А?..

— Ты прекрасно слышал. Я не собираюсь повторять.

— Это болото — Никель-Айленд? — П. Т. был ошеломлён.

Дядя Сайрус покачал головой.

— Не всё болото. Только эта часть.

— А где он кончается, Никель-Айленд?..

Дядя Сайрус ткнул пальцем куда-то в мангровые заросли.

— Там. Более или менее.

Похоже, он и сам не знал где.

Значит, вот он, Никель-Айленд, семейное предание, клочок бесплодной земли, единственное, что двоюродный дедушка Эдмунд Т. Гелиодор умудрился не проиграть. Единственное. Какое там королевство — пшик! Вода, гниющие деревья, ужи да лягушки. Никель-Айленд находился тут всегда, были у него хозяева или нет. И когда их не станет, он продолжит существовать, и плевать ему и на людей, и на то, как они его называют.

А раз королевства нет, то нет и короля — и, возможно, нет даже духа Майлуса Гелиодора.

Но как же все эти истории, обещания, байки про наследство? Отец же говорил эти слова, сидя с трубкой в зубах на крыльце: «Однажды ты станешь королём Никель-Айленда».

Королём топкой зловонной лужи.

Станный человек с кожей лунного цвета опять появился из-за ствола и тотчас исчез, будто болото поглотило его.

— Кто это? — спросил П. Т.

Как ни странно, он не испугался, но ему было любопытно. И, конечно, он немного разозлился, узнав, что его «королевство» — на самом деле никакое не королевство, ничего похожего.

— Пойдём, — сказал дядя Сайрус и ступил на тропу, которая, казалось, плыла по воде.

Тропа складывалась из водяных растений, которые росли так густо и образовывали такой плотный слой, что можно было идти, не проваливаясь в воду по колено.

С них уже градом лил пот, их лица и руки нещадно зудели от укусов насекомых. Пронзительно кричали невидимые птицы. По плавучей тропе из растений между дядей Сайрусом и П. Т. проползла водяная змея — она была в пять раз длиннее человеческого роста.

И сразу же после этого — вдруг, из ниоткуда, — на этой негостеприимной земле возникла хижина. За ней ещё одна,